

ВСПОМИНАЯ БОРИСА ЛЬВОВИЧА ФОНКИЧА

Двадцать лет назад автор этих строк, учившийся тогда на юрфаке Тюменского университета, по собственному почину занялся изучением церковного права и права византийского. Начав в связи с этим штудировать литературу по византистике, он узнал о существовании такого ученого, как Б. Л. Фонкич, и прочел некоторые его работы¹. Произошло это, скорее всего, в 2001 или 2002 году — в какой именно момент, вряд ли возможно сейчас установить. Но точно помню, когда я впервые увидел портрет Бориса Львовича: случилось это в июне 2003 года в Петербурге, где мне удалось купить сборник «Московия»², в котором был помещен снимок Бориса Львовича, сделанный в Греческом институте византийских и поствизантийских исследований в Венеции. Тогда я уже понимал, что вижу выдающегося ученого, знатока греческих рукописных сокровищ, и надеялся, что когда-нибудь смогу познакомиться с этим замечательным исследователем и учиться у него. Мечта стала реальностью, когда в январе 2011-го я поступил на работу в Российский государственный архив древних актов. Вскоре благодаря заместителю директора РГАДА Ю. М. Эскину состоялось мое знакомство с Борисом Львовичем, и с тех пор на протяжении пяти с половиной лет я регулярно общался с ним в Архиве — в основном на своем рабочем месте в хранилище уникальных фондов,

1. Это, вероятно, были статьи в «Византийском временнике» или известная публикация «Греческие грамоты советских хранилищ» в сборнике «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР» (М., 1974. С. 242–260).
2. Μοσχovia. Проблемы византийской и новогреческой филологии. Вып. 1. М., 2001.

куда Фонкича нередко допускали «в порядке исключения», а иногда и возле читального зала или просто в коридорах РГАДА. Виделись мы и на конференциях и других научных мероприятиях. В этот же период я начал бывать у Бориса Львовича дома и познакомился с его женой и ближайшей помощницей Татьяной Владимировной Толстой. В дальнейшем, после моего перехода в отдел научно-справочного аппарата, беседы с Борисом Львовичем все чаще происходили у него на квартире; особенно интенсивным наше общение было в последние полтора года, когда мне довелось помогать Борису Львовичу в издательской работе.

Теперь попробую высказать некоторые соображения о научном творчестве моего учителя, основанные на чтении его работ и непосредственном общении с ним.

Одна из важнейших особенностей Фонкича как исследователя — сочетание узкой (но лишь на первый взгляд!) специализации с предельно широким охватом материала, входящего в ее предмет. Конечно, в разные периоды жизни на первый план для Бориса Львовича выходили то одни, то другие проблемы, но если рассматривать его научную деятельность в целом, то можно сказать, что для него был характерен интерес практически ко всем вопросам, которыми занимаются греческая палеография и кодикология. Он изучал как рукописные книги, так и документы³, как маюскульное, так и минускульное греческое письмо. Почерки писцов, разлиновка пергамена, особенности переплетов и художественного оформления рукописей, работа скрипториев и история библиотек, судьбы отдельных кодексов и грамот — всё это входило в круг его интересов. В хронологическом отношении его исследования охватывали огромный период — от середины I тысячелетия н. э. до XX в. Фонкич прекрасно ориентировался как в отечественных, так и в зарубежных собраниях греческих рукописей и документов, зная досконально не только состав фондов, но и историю их формирования и каталогизации. Такая широта взгляда и эрудиция помогали ему в решении наиболее сложных задач, как это было с методикой датировки маюскульных рукописей (если бы

3. А кроме того — папирусы, надписи на иконах, богослужебных облачениях и др.

Борис Львович не занимался ранним минускулом, вряд ли он сумел бы должным образом оценить значение наличия / отсутствия диакритических знаков в манускриптах, написанных маюскулом), а также в критическом разборе экстравагантных гипотез исследователей, при- выкших работать лишь в рамках отдельных областей палеографии.

Эта разносторонность в значительной мере уходит корнями в студенческие годы Борис Львович, о которых мне известно в основном с его слов. Поступив на исторический факультет МГУ и рано почувствовав интерес к античности и средневековью, он добился права учиться по индивидуальной программе — фактически сразу на двух факультетах, историческом и филологическом. Особый упор в этих занятиях делался на изучение классических языков и специальных исторических дисциплин (палеографии, эпиграфики, папирологии и др.). Речь идет, таким образом, о сочетании системной исторической и языковой подготовки, когда-то бывшем нормой в отечественных университетах, а после революции ставшем редким исключением. Нужно отметить и тот факт, что в дальнейшем, в 1970-х гг., уже будучи сформировавшимся ученым, кандидатом наук, Борис Львович стал углубленно изучать новогреческий язык (наставницей его была Катина Зорбала, греческая политэмигрантка, работавшая в те годы в МГУ). В результате для него, ранее занимавшегося преимущественно византийским материалом, открылся мир неоэллинистики, возникла надежная основа для работы с поствизантийскими рукописями и документами.

Неудивительно при таких обстоятельствах, что Борис Львович всегда стремился к самостоятельному поиску и критическому изучению первоисточников, скептически относясь к занятиям такими темами, где за долгое время «накопилась» обширная историография и при этом отсутствуют новые, ранее не введенные в оборот источники. Однажды в разговоре со мной он вспомнил, как студенты-старшекурсники классического отделения филфака, вместе с которыми он изучал древнегреческий язык, рассуждали о поступлении в аспирантуру, собираясь писать диссертации *об Эскиле*. Уже тогда подобные намерения вызывали у него неприятие, и в качестве альтернативы он указал собеседникам на возможность заняться микенологией — со-

вершено новым (в то время) и многообещающим научным направлением⁴.

Хорошим примером того, как Борис Львович воплощал в жизнь указанный выше подход к научной работе, является его монография «Греко-славянские школы в России в XVII веке» (М., 2009), написанная на основе изучения большого комплекса греческих и русских документов, рукописных и старопечатных книг в московских и петербургских хранилищах и включающая в себя публикацию ряда документальных источников. Показательно и то, что впоследствии, отвечая критику этой книги, пенявшему на якобы неполный учет историографии, Борис Львович подчеркивал, что в книге были использованы только те исследования, которые основаны на самостоятельной работе их авторов с архивными материалами⁵. Следует заметить, что монография о греко-славянских школах имеет важное методологическое значение и в другом отношении: она показывает на конкретном примере, что скрупулезный палеографический и кодикологический анализ рукописных книг и документов, позволяющий определить или уточнить их датировку и локализацию, идентифицировать писцов, заказчиков, владельцев и т. д., может выступать в качестве *самостоятельного метода исследования*, дающего возможность делать «содержательные» выводы об интересующих ученого проблемах. Такой метод, очевидно, может быть эффективен при изучении не только истории просвещения, но и истории права, дипломатических связей, науки и других сфер общественной жизни, в которых велика роль письменных текстов, причем большое значение имеет формальная сторона их появления и бытования (авторство, место написания, наличие и характер редакционной правки и т. д.).

В связи с этим опять обращусь к воспоминаниям. Присутствуя на пленарном заседании одной исторической конференции (кажется, в 2015 году), я наблюдал, как некий докладчик пытается возобновить

4. При этом Борис Львович сослался на появившуюся незадолго до того «первопроходческую» монографию: Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М.; Л., 1957.
5. См.: Фонкич Б. А. О современных методах исследования греческих и русских документов XVII века. Критические заметки. М., 2012. С. 116–121.

старый спор о том, какими «историческими дисциплинами», «вспомогательными» или «специальными», являются палеография, кодикология и др., и предлагает именовать их «вспомогательными». Услышав это, Борис Львович, сидевший рядом со мной, произнес с сарказмом: «Ну как же, конечно, надо ведь “вспомогать”!» Представление о палеографии и кодикологии как о науках второсортных, предназначенных лишь для оказания чисто технической помощи «основной», «большой» исторической науке, Фонкичу было абсолютно чуждо; он всегда настаивал на их самостоятельной роли. В то же время было бы большой ошибкой считать, будто Борис Львович не интересовался *содержательной стороной* тех рукописей и документов, которые становились предметом его исследования. Он лишь понимал, что подлинно научный подход предполагает также изучение *формы* этих письменных памятников, без которого не может быть правильно понято их содержание.

Где же Борис Львович находил столь нужные ему первоисточники? Выше упоминалось, что он превосходно знал как отечественные, так и иностранные собрания греческих рукописей и документов. При этом основой для его научной работы всегда были советские / российские хранилища, среди которых он особо выделял три учреждения: ГИМ, РНБ и РГАДА. Активно работал Борис Львович и в рукописных отделах РГБ и БАН; что же касается небольшой, но весьма ценной коллекции греческих рукописей Научной библиотеки МГУ, то Фонкичем был даже составлен ее каталог (М., 2006). Не ограничиваясь столичными собраниями, Борис Львович неоднократно бывал в Тбилиси, Ереване, Киеве, Одессе, Харькове и других региональных центрах, где имеются греческие рукописные фонды или отдельные рукописи. В результате этих поездок появились полноценные научные описания ряда собраний⁶.

По словам Бориса Львовича, на него произвел большое впечатление случай в отделе рукописей ГИМ, произошедший осенью

6. Можно отметить каталог рукописей Одессы, впервые опубликованный в 1978–1982 гг. в «Византийском временнике»; его исправленное и дополненное переиздание стало последней крупной работой Фонкича. См.: *Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Одессы: Каталог*. М., 2021.

1960 года, когда выдающийся французский ученый о. Марсель Ришар, приехавший в СССР для того, чтобы обследовать советские коллекции греческих рукописей, не смог добиться от сотрудников Исторического музея внятных ответов на интересовавшие его вопросы о рукописях из этого замечательного собрания. Именно тогда, как говорил Борис Львович, он решил для себя, что нельзя допускать повторения подобных ситуаций, а для этого необходимо детально знать отечественные коллекции греческих рукописей и документов.

Говоря о научной деятельности Бориса Львовича, надо помнить, что он был мастером «малых форм»: в его обширном (около 350 названий) списке публикаций⁷ доминируют небольшого объема статьи и заметки, зачастую посвященные конкретным рукописным кодексам, грамотам, писцам и т. п. С конца 1990-х гг. Борис Львович начал переиздавать эти многочисленные, разбросанные по разным изданиям работы в виде сборников, при подготовке которых к печати текст старых публикаций не просто перенабирался, а тщательно выверялся и в ряде случаев снабжался новыми иллюстрациями и библиографическими дополнениями; в таких сборниках помещались и новые, ранее не опубликованные исследования⁸. В последний год Борис Львович увлеченно работал над двухтомным сборником своих работ, который планировал назвать «Греческие рукописи и документы в России в XVIII – 1-й трети XX в.». Сборник этот, увы, остался незавершенным, хотя для него была собрана масса подготовительного материала. Высказывал Борис Львович и мысль о необходимости издания сборника статей (или коллективной монографии) об истории изучения греческой палеографии в России. Можно надеяться, что подобное иссле-

7. См.: Фонкич Борис Львович. Библиография трудов: к 80-летию ученого / Сост. М. А. Курышева. М., 2018; Библиография трудов Б. Л. Фонкича. 2018–2021 // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 8. М., 2021 (в печати).
8. См.: Фонкич Б. Л. 1) Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. М., 1999; 2) Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003; 3) О современных методах исследования греческих и русских документов XVII века. Критические заметки. М., 2012; 4) Исследования по греческой палеографии и кодикологии: IV–XIX вв. М., 2014.

дование будет в том или ином виде подготовлено и издано его учениками.

В завершение отмечу, что, хотя Борис Львович немало печатался на Западе, в том числе в самых авторитетных журналах⁹, подавляющее большинство его трудов было опубликовано на русском языке в советских и российских изданиях. (Писал он, кстати сказать, в высшей степени грамотно и излагал свои мысли хорошим литературным языком, без «гендерных дискурсов» и прочих новомодных «терминов».) Такой подход к публикации своих работ, сочетавшийся у Бориса Львовича с полным равнодушием к «наукометрии», мог бы послужить хорошим уроком в нынешней ситуации, когда вклад ученого в науку пытаются определять по «индексу Хирша», а статьи, опубликованные на английском языке, автоматически оцениваются выше публикаций на русском.

* * *

Смерть Бориса Львовича стала огромной утратой для российской и мировой науки. Пусть же память об этом замечательном ученом и человеке, всецело посвятившем себя поиску истины, о его неиссякаемой энергии и оптимизме послужит утешением для его учеников и коллег и поможет им продолжить ту работу, которую он вел на протяжении более 60 лет.

Альберт Григорьевич Бондач

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

bondatch@mail.ru

9. Например, в *Byzantinische Zeitschrift*, *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, *Travaux et Mémoires*, *Analecta Bollandiana*, *Scriptorium*, *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata* и др.